Сергей ПАХОМОВ,
доктор экономических наук

Долговые отношения на Руси эпохи феодальной раздробленности

Дальнейшее развитие и совершенствование института долга в Древней Руси хорошо прослеживается в Псковской Судной грамоте, отражающей общественные отношения, сложившиеся в период феодальной раздробленности в XIV–XV веках. Это крупнейший памятник феодального права раздробленной Руси, попавшей под татаро-монгольское владычество. Тем не менее даже в эти тяжелые времена сохранялось определенное единство в политической и культурной сфере, шло прогрессивное экономическое и политическое развитие, которое позже привело к возникновению централизованного государства.

СВОИ «В ДОСКУ». УПОРЯДОЧЕНИЕ ДОЛГОВЫХ КОНТРАКТОВ

Памятником прогрессивного экономического и политического развития является Псковская Судная грамота, некоторые ее нормы (как и нормы Русской Правды) находят широкое применение через много веков после ее написания. Интересно, что именно Псковская Судная грамота вводит смертную казнь за ряд преступлений — мера наказания, которая отсутствует в Русской Правде. Следует отметить, однако, что и Псков, и Великий Новгород были феодальными купеческими республиками, близкими по устройству к западноевропейским торговым городам Ганзейского союза и активно вовлеченными в торговые и финансовые отношения со средневековой Европой. Ведущую роль в них играла торговая и боярская олигархия. Новгород и Псков не подверглись разорению во время нашествия монголов и не испытали всей тяжести монголо-татарского ига. Это были хорошо развитые торговые и экономические центры Средневековья (особенно Новгород), превосходившие в этом отношении другие русские города. Поэтому Псковская Судная грамота уделяет большое внимание вопросам гражданского правового оборота, в том числе обязательственным отношениям и долговым отношениям. Она формализует эти отношения и делает упор на письменный договор, заменяющий собой устные декларации и договоренности, даже сделанные при свидетелях. Долговые отношения того периода в других княжествах Северо-Восточной Руси, подвластных Орде, вряд ли отличались аналогичной упорядоченностью и институционализацией.

Договор займа, описанный в Псковской Судной грамоте, подробно регулируется и

регламентируется, появляется концепция заклада вещи и залога по займу. Существовало три способа заключения договора займа, обеспечивающих судебную защиту: заем под обеспечение заклада с оформлением записи; заклад с оформлением закладной «доски» (письменного договора); заклад. Договор займа, заключенный без соблюдения необходимых формальностей, судебной защите не подлежал. «Доска» также не рассматривалась в судах как документ, безусловно свидетельствующий о заключении договора займа, поскольку речь в «доске» шла о закладе вещи. Наличие заклада ставило его держателя в выгодное положение, давая ему право выбора доказательства в суде: личная присяга или требование присяги другой стороны. Среди судебных доказательств по данным договорам отсутствует «поле» (судебный поединок, победитель которого признавался правым). Займы свыше 1 руб. (30 гривен, или 220 денег) давались только под заклад или оформлялись записью.

Залог как способ обеспечения долгового обязательства играл очень важную роль. Должник, отказываясь от уплаты займа, терял свой залог. Была введена еще одна форма обеспечения займа — поручительство («порука»), которое применялось в случае займа менее 1 руб. При возвращении денег должнику необходимо было сделать запись не только в документе, находящемся у него на руках, но и на копии договора, хранящейся в архиве Троицкого собора Пскова, который служил фактически независимым депозитарием договоров, гарантирующим их сохранность. Хранение копий договоров в Троицком соборе являлось эквивалентом современной государственной регистрации контрактов. «Доска», не имевшая такой регистрации, считалась уже менее качественным договором. Отсутствие записи на архивной копии считалось невыполнением обязательства.

ОТ «ТОВАРИЩЕСТВА НА ВЕРЕ» К ОФИЦИАЛЬНОМУ ОФОРМЛЕНИЮ ДОЛГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кредитные операции в сфере торговли, жизненно важной для экономики средневекового Пскова, оформлялись письменно, взамен «досок» появлялись «рядницы» (письменные договоры, копии которых хранятся в Троицком соборе). Неофициальные отношения между контрагентами отходили в прошлое и заменялись надлежащим способом оформленными письменными договорами, получившими соответствующую регистрацию и переданными на хранение в Троицкий собор. Предусматривалась также строгая формальная процедура оформления и подачи судебного иска по взысканию денег, отданных в долг для торговли, денег с поручителя, долга с наследников умершего заемщика, имущества, оставшегося без наследников. Точно указывалась цена иска. Если требования не соблюдались, истец проигрывал дело.

Псковская Судная грамота не устанавливала максимального предела на взимаемые по ссуде проценты. Вопрос о размере процентов решался по соглашению сторон путем оформления в «записи». Кредитор должен был заявлять свое требование перед судом о получении процентов в срок, оговоренный договором. Если он пропускал срок, то проценты аннулировались. Требование досрочного возврата ссуды приводило к потере процентов. Досрочное добровольное погашение ссуды заемщиком проводилось с выплатой процентов только за фактическое время ссуды. Регулировалась процедура судебного взыскания залога заемщиком в случае отказа заимодавца такой залог вернуть после погашения ссуды[1].

СТЕПЕНЬ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ДОЛГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА РУСИ МАЛО ЧЕМ УСТУПАЛА ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРАКТИКЕ ТОГО ВРЕМЕНИ

Торговый кредит, которым активно пользовались псковские и новгородские купцы, представлял собой прежде всего получение товара в долг на реализацию. Русские купцы стремились до наступления срока уплаты не только успешно продать товар за деньги, но и несколько раз совершить на эти же деньги торговый оборот, покупая и продавая другие товары. Сохранилось свидетельство одного из ганзейских купцов: «Они берут одну или несколько штук сукна за установленную цену, с уплатой всего количества через полгода или даже через год и затем тотчас распродают это сукно мелким торговцам в розницу по аршинам за чистые деньги, и на эти вырученные чистые деньги они закупают другие товары, которые опять тотчас же продают, и, таким образом, в продолжение всего времени, которое они имеют до срока уплаты за купленное ими на веру сукно, они делают денежные обороты три и даже более раз и от того получают наконец себе чистую прибыль». Кредитом пользовались русские купцы Северо-Запада Руси в торговле с Ригой и Литвой. Им отпускались товары «на кабалы» (долговые расписки) с обязательством к определенному сроку уплатить не деньгами, а русскими товарами. Русские купцы также отпускали свои товары в долг иностранным контрагентам[2].

Следует отметить, что со стороны городов Ганзейского союза долговые отношения с русскими купцами зачастую запрещались. У новгородских и псковских купцов строго запрещалось брать в долг деньги или товары. Такого рода постановления издавались и в отношении Брюгге, Лондона, Полоцка. Одно из таких постановлений гласит: «Никто не должен покупать или брать в долг новгородский товар, за который будет уплачено в Дерпте или в другом месте, но не там, где товар куплен». Постановления запрещали брать в кредит или давать в кредит итальянским, фламандским, английским и русским купцам под угрозой потери всего имущества. Товары должны были или продаваться за деньги, или обмениваться на другие товары. Ревель даже потребовал однажды у магистра Ливонского ордена выдачи своего гражданина, который тайно совершил запрещенные кредитные сделки со своим русским контрагентом. Причина таких нелепых на

---

[1] Российское законодательство X–XX веков. Законодательство Древней Руси. В 9 т. / Под ред. О.И. Чистякова. —. Том 1. — С. 360–372, 382.

Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. — Т. 2. — М., 1988. — С. 90–91.

2 Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 521–523.

первый взгляд запретов заключалась в том, что немецкий купец, который брал деньги или товары в долг у русского и оказывался несостоятельным должником, попадал в кабалу к русскому. Являясь же кредитором русского купца, он практически не имел возможности добиться удовлетворения своих претензий, если русский купец оставался на территории Пскова или Новгорода[1].

БОСЫЕ И РАЗДЕТЫЕ БОЯРЕ

В ссудные отношения на Руси XIII–XVI веков, переходившей от феодальной раздробленности к формированию централизованного государства, был вовлечен очень широкий круг людей. Крестьяне практически все были вовлечены в долговые отношения. Лишенные земли, они были вынуждены селиться на землях бояр и вотчинников и получали в кредит практически все средства производства. Обработка земли без ссуды помещика была практически невозможна. Землевладельцы также не могли обойтись без долгов, которые порождались прежде всего необходимостью нести военную повинность и вооружаться за свой счет. Анализ завещаний того времени показывает, что свободные от долгов дворяне и даже князья были исключением из правила. Оговорка «а не виноват никому ничем, разве Богу душою», указывающая на то, что завещатель никому не должен, встречается крайне редко. Вотчинникам и помещикам приходилось регулярно заключать займы для оплаты снаряжения на военную службу. Взаймы помимо денежных сумм брались лошади, оружие, доспехи, одежда, хлеб, фураж. Даже богатые землевладельцы постоянно были вынуждены прибегать к таким займам, и военная служба их просто разоряла. Сохранилось письмо Ивана Грозного, который в 1547 году сосватал дочь своего воеводы князя Александра Горбатого за князя Мстиславского и известил об этом знаменательном событии мать невесты, приписав в конце: «Да сказывал нам брат твой Фома, что князь Александр, идучи на нашу службу, заложил платье все твое... и мы тебя пожаловали, послали тебе от себя платье, в чем тебе ехати... приедеш к Москве и скажеш, у кого платье твое заложено, мы велим выкупити». В затруднительное положение попадали даже удельные князья, великие князья, братья царей. Волоцкий князь Иван Борисович, заложив все, что мог, из своего имущества, стал закладывать драгоценности своей племянницы, ее одежду, посуду, потерял в итоге все ее приданое. Он не платил проценты в течение пяти лет. Брат царя Ивана III Юрий Васильевич остался должен после смерти 717 руб., а другой его брат — Юрий огромную по тем временам сумму в 31 тыс. руб. Кредиторами были, как правило, богатые купцы и монастыри, которые брали в залог драгоценности, земельные угодья вместе с крепостными крестьянами, поместья в целом[2].

Очевидно, что степень развития института долговых отношений на Руси мало чем уступала европейской практике того времени. Не использовались, в отличие от Европы, простые и оборотные векселя. Но Псковская Судная грамота различала юридические понятия, требовавшие развитого правового сознания, предусматривала юридические случаи, которые возникали в сложном гражданском обществе крупного торгового города. В определениях имущественных и обязательственных отношений прослеживалось стремление установить равновесие между различными интересами и построить устойчивый правовой порядок[3].

ОТ МОСКВЫ ДО САМЫХ ДО ОКРАИН. УСТАНОВЛЕНИЕ «ВЕРТИКАЛИ ВЛАСТИ»

Становление Русского централизованного государства с основным средоточием в Москве привело с неизбежностью и к замене разного рода местных правовых документов, «судных грамот», принимавшихся в удельных княжествах, правовыми актами Великого князя Московского, так называемыми судебниками. Эпохальными в этом отношении стали Судебник 1497 года Ивана III и Судебник 1550 года Ивана Грозного. Судебники 1497 года и 1550 года внесли много нового в использовании института долговых отношений для дальнейшего закрепощения крестьянства. Основными событиями той эпохи стали укрепление институтов централизованной великокняжеской, а затем и царской власти, становление центральной судебной власти, избавление от монголо-татарского ига, присоединение к Русскому государству новых огромных территорий и народов, становление многонационального государства, укрепление власти крупных земельных собственников и закрепощение русского крестьянства. Сам термин «крестьяне» (от слова «христиане») появляется в правовых документах именно в этот период и вытесняет такие термины, как «смерд». Вместо двух денежных систем (московской и новгородской) в 1535 году вводится единая денежная система.

Судебники Ивана III и Ивана Грозного сосредотачиваются на регулировании и укреплении судебной власти, большая часть их статей регламентирует именно судебную процедуру и устанавливает наказания. В них мало статей, затрагивающих долговые отношения, они не носят принципиального характера и не содержат принципиальных новшеств. Однако они несколькими статьями прикрепили к земле крестьянство, попавшее в долговую кабалу, и затруднили переход крестьян от одного землевладельца к другому.

Все «судные грамоты» и судебники жестко относятся к должникам, которые оказывались не в состоянии вернуть долг. К таким должникам применялась обычная в ту эпоху процедура «правежа», в соответствии с которой их ежедневно выводили на площадь и били прутьями. Встречаются жалобы и на применение этой суровой процедуры к купцам. Многие русские торговцы оказывались в долгах перед шведами и англичанами, и от этого «они изгублены, в долгех побиты на правежех и померли в прошлых годех от великого правежу». Русская Правда предоставляла кредиторам право продать безнадежного должника в рабство. Однако в XV–XVI веках на Руси «выдаче головой» должника кредитору уже предшествовал «правеж», и только в случае, если ежедневная порка не приводила к выплате долга, должник отдавался на милость кредитора. Несмотря на то что «правеж» по закону должен был продолжаться не более месяца, очень часто «стояли на правеже» по году и более. Надо отметить, однако, что великих князей и бояр «на правеж» не ставили.

[1] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 160.

[2] Кулишер И.М. История русского народного хозяйства. 2-е изд. — Челябинск: Социум, 2004. — С. 521–522.

[3] Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. в 9 т. — Т. 2. — М., 1988. — С. 90–91.